

М. Б. БЕРГЕЛЬСОН, А. А. КИВРЯК

**СИСТЕМА ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ РЕФЕРЕНЦИИ
В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ [1]**

1. ВВЕДЕНИЕ

Переклечение референции—это морфосинтаксический механизм, посредством которого в глагольной словоформе маркируется тождественно или нетождественно подлежащее данной предикации подлежащему некоторой другой предикации. Простейшим примером глагольных форм, маркирующих переклечение референции, могут служить русские деепричастия. Зависимая предикация с деепричастием (т. е. деепричастный оборот) может быть построена только при условии тождества подлежащего подлежащему главной предикации. Когда это условие нарушается, получаются неправильные предложения наподобие известного *Подвезжая к вокзалу, с меня слетела шляпа*. Таким образом, деепричастные аффиксы в русском языке являются, в частности, маркерами и тождества, точнее, коррентности подлежащих (две именные группы коррентны, если относятся к одному и тому же объекту действительности—референту). В более развитых системах переклечения референции наряду с маркерами коррентности должны быть и маркеры некоррентности подлежащих. Так, в южно-американском языке анкаш (семья кечуа) имеются маркеры, обозначающие коррентность (КРФ) и некоррентность (НКРФ) подлежащего зависимой предикации подлежащему главной (Cole, 1983: 3) [2]:

- (1) а. *shaka-shaw uya-shra, raitami-gu-i wauya-kupa-la*
поле-в работать-КРФ собирать-ПРОШ-1 цветок-МН-ВИН
'Работая в поле, я собирал цветы'
б. *shaka-shaw uya-pii-i, Maria raitami-gu-p*
поле-в работать-НКРФ-1 Мария собирать-ПРОШ-3
wauya-kupa-la
цветок-МН-ВИН
'Пока я работал в поле, Мария собирала цветы'.

1. История вопроса и типологические замечания

Термин «переклечение референции» (switch-reference) был введен в работе Jacobsen, 1967 применительно к ряду индейских языков Северной Америки. В ходе типологических исследований 70-х годов годам озабочено, что факты, аналогичные переклечению референции и ранее воспринимавшиеся в каждом случае как экзотические, существуют в очень многих языках мира. Оказалось, далее, что переклечение референции (ПР) является одним из типологически наиболее распространенных средств обеспечения локальной связности текста (Foley & Van

Valin, 1984: 322—323). Системы ПР широко представлены в языках Северной Америки (Jacobsen, 1983), Южной Америки (Cole, 1983), Австралии (Austin, 1981), Новой Гвинее (Longacre, 1983; Lulich, 1983); соображения об аналогичных явлениях в африканских языках—см. Comrie, 1983. Таким образом, самым неукзученным в этом отношении ареалом является Евразия. Нам известны лишь две работы, посвященные рассмотрению переклечения референции в языках Евразии и написанные с использованием этого понятия—Nichols, 1979 и Nichols, 1983 [3] (ср. также некоторые замечания в Haiman, 1983; о работах, написанных в других терминах, см. ниже, в § 1. 2). Результатом типологических исследований по ПР явились сборники Milto, 1980 и Haiman & Milto, 1983, в которых были детально разработаны теория и типология ПР. Стандартные термины и аббревиатуры современной теории ПР: switch reference (SR)—переклечение референции (ПР); same subject (SS)—маркер-тождества, или коррентности, подлежащих (КРФ); different subject (DS)—маркер различия, или некоррентности, подлежащих (НКРФ); именно с последним типом маркеров связана внутренняя форма термина «переклечение референции».

На основании имеющихся сведений по типологии ПР можно сформулировать ряд фреквентаций, характеризующих системы ПР (ср. также: Haiman & Milto, 1983: x ff.).

1. Предикация, в глаголе которой содержится маркер ПР, является зависимой по отношению к предикации, относительно которой устанавливается коррентность/некоррентность подлежащих. Степень этой зависимости может быть разной. Минимальная степень имеет место обязательно. Более высокая степень зависимости выражается в отсутствии абсолютного маркирования лица, а также временных и модальных характеристик.

2. Абсолютное большинство известных систем ПР отмечено в языках с базисным порядком слов SOV (ср. Lulich, 1983), и в таких языках зависимая предикация, маркирующая ПР, предшествует главной.

3. В системах ПР маркируется обычно тождество синтаксического подлежащего, а не какой-либо семантической (тип)роли или толка (ср.: Foley & Van Valin, 1984: 345 ff.; Woodbury, 1983).

4. Маркеры КРФ и НКРФ часто бывают структурно неизоморфны. При этом маркер КРФ обычно неделим и не отражает никаких характеристик подлежащего, а маркер НКРФ включает в себя аффиксы согласования с подлежащим (см.: Haiman, 1983).

5. Существует иерархия типов полипредикативных конструкций с точки зрения их склонности выражать ПР. Если в языке есть система ПР, то в первую очередь она должна функционировать в конструкциях с семантически наименее специфицированным типом связи между предложениями (Jacobsen, 1983: 170).

Как мы увидим ниже, тувинская система ПР в весьма высокой степени приближается к типологическому эталону.

1. 2. Проблематика переклечения референции в тюркологии

До сих пор, насколько нам известно, материал тюркских языков находился вне поля зрения специалистов по общей теории и типологии ПР (см., напр.: Haiman & Milto, 1983). В специальной литературе по ПР нами отмечено единственное упоминание фактов турецкого языка, опирающееся на грамматику Lewis, 1967; имеется в виду работа...

2 «Советская тюркология», № 2.

Haiman, 1983 (ср. также: Haiman & Thompson, 1984: 512). Однако трактовка турецких деепричастных аффиксов *-(y)ip* и *-(y)A* как маркеров КРФ (Haiman: 113) не вытекает из фактов, представленных в упомянутой грамматике (Lewis: 178—179). Контрпримеры к такой трактовке можно найти в работе: Кононов, 1956: 475—476.

Нам не удалось обнаружить последовательного анализа полипрелативных конструкций или глагольных форм того или иного тюркского языка с точки зрения корферентности/некорферентности подлежащих в крупнейшем описании отдельных языков (Дмитриев, 1948; Кононов, 1956; Кононов, 1960; Исхаков и Пальмбах, 1961; Lewis, 1967; Tekip, 1968; Почелуевский, 1975; Убрятова, 1976; Underhill, 1976; Баскаков, 1984 и др.), как и в основных типологических и сопоставительных работах (Галажнева, 1973; Баскаков, 1975; Юлдашев, 1977). Отмечены лишь отдельные характеристики отдельных деепричастных форм с точки зрения того, требуют ли они корферентности подлежащих или нет (Дмитриев, 1948: 189; Кононов, 1956: 475—476; Юлдашев, 1977: 158—167; о работах по тувинскому языку—см. ниже).

Значительный шаг в направлении описания систем ПР был сделан в русле новосибирской типологической школы М. И. Черемисниной. Термин «алтайского типа». В частности, М. И. Черемисниной и другими авторами было выявлено противопоставление монособъектных/вариативно-субъектных/разносубъектных форм зависимой предикации (Черемиснина, 1977, 1980; Скрибник, 1980). В русле новосибирской школы были подробно описаны системы ПР в языках тунгусо-маньчжурской (Горелова, 1980) и монгольской (Скрибник, 1980) семей (описаны, разумеется, в других терминах: в алтанстике показателю КРФ традиционнее именуется «субъектным притяжением» или «возвратностью», см.: Черемиснина, 1979: 65). Относительно тюркских языков М. И. Черемиснина замечает, что и в них есть примеры разносубъектных и монособъектных конструкций (Черемиснина, 1980: 16, 22). Развита якутская система ПР описана в интересной работе Ефремов, 1979 (см. также: Ефремов, 1981)—это, по-видимому, первое (и единственное известное нам) последовательное описание системы ПР в тюркском языке (о работе Шамина, 1985, посвященной тувинскому языку, см. ниже). Между тем нам удалось установить, что противопоставление монособъектности/разносубъектности, т. е. явление переклочки референции, весьма широко представлено в тувинском языке. При этом маркеры ПР образуют достаточно стройную систему.

В связи со всем сказанным выше думается, что систематическое описание явлений ПР в одном из тюркских языков, выполненное под углом зрения общей теории и типологии ПР, может представить определенный интерес. В разделе 2 описываются полипредикативные конструкции, составляющие основу системы ПР в тувинском языке; эти конструкции будут проиллюстрированы примерами (§ 2. 1). Во второй части статьи (см. № 4—1987) будет предложено ряд других фактов тувинского синтаксиса, связанных с действием механизма ПР, как-то: противопоставление маркеров КРФ и НКРФ в конструкциях с синтаксическими сирконстантами и особенно эти употреблены некоторых деепричастий (раздел 3).

2 ПЕРЕКЛОЧЕНИЕ РЕФЕРЕНЦИИ В КВАЗИСОЦИНЕННЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

2. 1. Механизм переклочки референции

Обычно русские сочинительные конструкции с союзом *и*, в которых связь между предикациями семантически наименее специфицирована, переводятся на тувинский язык с помощью конструкций следующего вида [2]:

(2) а. *ава-и инек-ти саал-г-ар-га, Кара-кыс*
мать-1ЕД корова-ВИН доить-СУФ-БУД-ДАТ

чан-ыл кел-ир

идти домой-ДПЧ ВСП-БУД

'Мать подала корову, и Кара-кыс придет домой'

б. *авам, инекти саал-каш, Ø, чакыл кел-ир*
ДПЧ

'Мать подала корову-и придет домой'

В обоих тувинских предложениях первая предикация оформлена как зависимая—об этом свидетельствует инфинитивная форма глагола, а вторая—как независимая, или главная. Основная разница между предложениями состоит в том, что в (2а) подлежащие двух предикаций корферентны и выражены в составе каждой предикации отдельно, а в (2б)—корферентны и подлежащее выражено эксплицитно только в первой предикации, а подлежащее второй предикации—нулевое (Ø). (Тождество подстрочных индексов здесь и далее означает корферентность маркированных ими именных групп—полных, местоименных или нулевых.) (Не)корферентность подлежащего зависимой предикации подлежащему главной маркируется в глаголе зависимой предикации. Легко видеть, что это типичный случай переклочки референции. Показатель *ар-га* маркирует НКРФ, а показатель *-каш*—КРФ. Термин «квазисоцининен», применяемый нами к тувинским конструкциям типа (2), будет введен и объяснен в § 2. 2.

2. 1. 1. Традиционные интерпретации. Показатель КРФ, отмеченный в примере (2б), имеет морфологическую форму *-гАш* [4] и в тувинской грамматике именуется показателем «деепричастия прошедшего времени» (Исхаков и Пальмбах, 1961: 330). Родственная деепричастная форма имеется и в ряде других тюркских языков—башкирском, татарском, узбекском, уйгурском и некоторых других. По-видимому, в перечисленных языках эта деепричастная форма корферентности подлежащих не употребляется [5]. Примеры ее употребления см.: Дмитриев, 1948: 248; Кононов, 1956: 243; Грунина, 1961: 137; Юлдашев, 1977: 76, 233 и сл. Якутская же форма на *-аат*, родственная деепричастию на *-гАш*, является монособъектной (Ефремов, 1979: 65). Очевидно, статус формы КРФ у тувинского деепричастия на *-гАш* и соответствующей якутской формы является либо инновацией, либо, наоборот, реликтом древнего состояния. Интересно, что автор первой тувинской грамматики Н. Ф. Катанов характеризовал эту деепричастную форму как не требующую корферентности подлежащих двух предикаций и даже чаще употребляющуюся при разных подлежащих (Катанов, 1903: 849, 920). Хотя Катанов приводил примеры разноподлежащего употребления конструкции с *-гАш*, такие примеры современными носителями отвергаются, а в собранных самим Катановым текстах (Катанов, 934—1053) это деепричастие употребляется почти исключительно в контекстах КРФ.

110) Полнпредикативные конструкции, включающие эти показатели, согласно нашим материалам чрезвычайно частотны и регулярным образом соотносятся друг с другом, формируя основу морфосинтаксической системы переключения референции в тувинском языке.

2. 1. 2. Основные примеры. Рассмотрим функционирование механизма ПР в бипредикативных конструкциях при всех возможных типах ко-референтности между актантами главной и зависимой предикаций. Сначала будем рассматривать конструкции с глаголами, имеющими базисные падежные рамки: именительный падеж у одноместных глаголов, именительный и винительный — у двухместных. Нужно иметь в виду, что показатель КРФ — маркированный, он появляется лишь в случае ко-референтности двух подлежащих. Показатель НКРФ появляется во всех прочих случаях, представлен ли какой-либо другой тип ко-референтности или ко-референтности нет вообще [2].

1-местный глагол + 1-местный глагол, ко-референтности нет:

(3) ача-зы чору-й баарга, Кара-оол уду-и чыд-ар
отец-3 идти-ДПЧ ВСП:НКРФ спать-ДПЧ ВСП:БУД

'Отец уйдет, и Кара-оол будет спать'

1-местный + 1-местный, ко-референтность подлежащих:

(4) Кара-оол, чеймен-ил ал-гаш, ∅, ажылда-л чорт-кан
есть-ДПЧ ВСП:КРФ работает-ДПЧ ехать-ПРОШ

'Поев, Кара-оол поехал на работу'

2-местный + 1-местный, ко-референтности нет — см. (2а)

2-местный + 1-местный, ко-референтность подлежащих — см. (2б)

2-местный + 1-местный, дополнение первого ко-референтно подлежащему второго:

(5) оол хана-ны дозулаарга, ол, чарач алар-ган
мальчик стена-ВИН красить: НКРФ, она красивый стать-ПРОШ
'Мальчик покрасил стену, и она стала красивой'

1-местный + 2-местный, ко-референтности нет:

(6) ача-зы чед-ил кээрге, ава-зы Кара-оол-ду
отец-3 приходит-ДПЧ ВСП:НКРФ мать-3 ВИН

чежер-ил каар

кормить-ДПЧ ВСП:БУД

'Когда отец придет, мать покормит Кара-оола'

1-местный + 2-местный, ко-референтность подлежащих.

(7) ∅ 1ЕД хоорай чору-й бар-гаш, ∅ 1ЕД ава-м-ны
город ехать-ДПЧ ВСП:КРФ мать-1ЕД-ВИН

көр-геч мен

видеть-ПРОШ 1ЕД

'Поехав в город, я увидел мать'

1-местный + 2-местный, подлежащее первого ко-референтно дополнению второго:

(8) ∅ 1ЕД хоорай чорубаар-ым-га, авам мени көр-бейн
ВСП:НКРФ-1ЕД я:ВИН видеть-ДПЧ:ОТР

бар-ды

ВСП:ПРОШ

'Я уехал в город, и мать меня не увидела'

2-местный + 2-местный, ко-референтности нет:

(9) ава-зы инек-ти саап каарга, Кара-кыс
мать-3 корова-ВИН доить: ДПЧ ВСП:НКРФ
шал-ны чу-л каар

пол-ВИН мыть-ДПЧ ВСП:БУД

'Когда мать подонт корову, Кара-кыс помоет пол'

Авторы современной грамматики тувинского языка (Исхаков и Пальмбах, 1961) обнаружили склонность деепричастия на *-Гаш* употребляться в конструкциях с КРФ (с. 331—332), но интерпретация сложных случаев ими дана не была (см. ниже). В ряде опубликованных работ, затрагивающих синтаксис деепричастных конструкций тувинского языка (Бабушкин, 1959, 1960; Делгер-оол, 1960; Сат, 1962; Шамина, 1983), дана особенность этого деепричастия не отмечалась. Л. А. Шамина в своей диссертации (Шамина, 1985) указывает, что «деепричастная форма на *-гаш* в высокой степени гарантирует референционное тождество своего субъекта с субъектом главного действия» (с. 129), но сама же приводит четыре примера с некорреферентностью подлежащих (с. 131), никак этот факт не интерпретируя (о таких случаях см. ниже, в § 2. 1. 3).

Маркер НКРФ, употребленный в примере (2а), имеет морфологический вид *-Vp...GA*, где *-Vp* — аффикс так называемого «причастия будущего-времени» (лучше сказать, имперфективного масдара); «...» — позиция для вставления личных аффиксов 1-го, 2-го лица, осуществляющих согласование с подлежащим данной предикации (в 3-м лице аффикс нулевой [6]); *-GA* — аффикс дательного падежа. Употребление таких масдарно-падежных форм в качестве нефинитных глаголов чрезвычайно характерно для тувинского, как и вообще для тюркских языков, при оформлении зависимой предикации. Эта базисная для тюркских языков морфосинтаксическая модель послужила основой для типологии «предикативного склонения причастий», тщательно разработанной М. И. Черемисиной и ее группой (см.: Черемисина и др., 1984а). Согласно мнению Л. А. Шаминой, «причастно-падежные конструкции» являются в тувинском языке ядром системы полнпредикативных конструкций (Шамина, 1982: 61). Интересующее нас сейчас морфологическое сочетание масдар на *-Vp* плюс аффикс дательного падежа — встречается, в отличие от других масдарно-падежных сочетаний (см. ниже, § 3. 1), в сравнительно немногих тюркских языках (Гаджиева, 1973: 305—306; Черемисина, 1981: 13). Трудно сказать, имеет ли рассматриваемый показатель в этих языках функции, близкие к тем, которые он выполняет в тувинском. В работах по тувинскому языку ни разу не отмечалось, что этот показатель является маркером НКРФ, хотя примеры на его употребление приводились неоднократно (Катанов, 1903: 922—923; Исхаков и Пальмбах, 1961: 309; Сат, 1960; Шамина, 1982; Черемисина и др., 1984б; Шамина, 1985). Любопытно, что Л. А. Шамина, выделяя специальный тип моносубъектных причастно-падежных конструкций, не отмечает невозможность такого употребления для формы на *-Vp...GA*, а просто не приводит примеров такого ее употребления (Шамина, 1985: 119—120). В типологических работах М. И. Черемисиной была специально отмечена функциональная близость тюркских масдарно-падежных форм к деепричастиям. Эти формы, несмотря на их структурную прозрачность, «функционалируют на деепричастный лад» (Черемисина, 1981: 32). В тувинском языке это особенно относится к форме на *-Vp...GA*.

Поскольку в работах по тувинскому синтаксису не была достаточно отчетливо выявлена интересующая нас функция показателей *-Гаш* и *-Vp...GA*, т. е. маркировка КРФ/НКРФ, тем более не могло быть установлено, что два эти маркера образуют функциональную пару и их семантика различается ровно на один компонент, а в остальном они синонимичны [7]. Об общих семантических компонентах этих двух показателей речь идет ниже, в § 2. 2 (ср. аналогичные функциональные пары, например, в якутском (Ефремов, 1979), в бурятском (Скрюбник 1980: 109—

- 2-местный + 2-местный, кореферентность подлежащих:
 (10) *Кара-кыс*, *дунма-зын* *чемгерчил* *кааш*, \emptyset , *инек-ти*
 брат-3-ВИН кормить-ДПЧ ВСП:КРФ королева-ВИН
 саар
 донть: БУД
 'Покормив брата, Кара-кыс подолит корову'
 2-местный + 2-местный, другие типы одинарной кореферентности:
 (11) *уруга* *инек-ти* *чуурга*, *ава-зы* \emptyset , *мактаан*
 девочка королева-ВИН мыть:НКРФ мать-3 хвалить:ПРОШ
 'Девочка помоyla корову, и мать ее похвалила'
 (12) *ава-зы* *Кара-оол-ду*, *чемгерчил* *каарга*, *ола*, *инек-ти*
 мать-3 ВИН кормить-ДПЧ ВСП:НКРФ он королева-ВИН
саар *каар*
 донть: ДПЧ ВСП:БУД
 'Когда мать покормит Кара-оола, он подолит корову'
 (13) *авазы инек-ти*, *чу-л* *каарга*, *Кара-кыс* *ону*,
 королева-ВИН мыть-ДПЧ ВСП:НКРФ она:ВИН
саар *каар*
 донть: ДПЧ ВСП:БУД
 'Мать помоет корову, а Кара-кыс ее подолит'
 2-местный + 2-местный, кореферентность подлежащих, кореферент-
 ность дополнений:
 (14) \emptyset , *инээ-н*, *чу-л* *ала-гаши*, *ача-н*, \emptyset ,
 королева-3-ВИН мыть-ДПЧ ВСП:КРФ отец-1ЕД,
саар
 донть: БУД
 'Помыв корову, отец ее подолит'
 2-местный + 2-местный, Подлежащее первого кореферентно допол-
 нению второго, и наоборот:
 (15) *ыат*, *Кара-оол-ду*, *ызырм-т-арга*, *ола*, *ону*,
 собака ВИН укунить-СУФ:НКРФ он она:ВИН
хал-тар
 ударить-СУФ:БУД
 'Если собака укунит Кара-оола, он ее ударит'
 Корпус приведенных предложений с достаточной ясностью показы-
 вает, что механизм ПР регулярным образом действует в бипредикатив-
 ных конструкциях, где каждая из предикаций имеет типичное аргентив-
 ное подлежащее в именительном падеже. Необходимо проверить, как
 этот строго синтаксический, ориентированный на подлежащие механизм
 будет проявляться в случае предикаций с менее типичными подлежа-
 щими. В первую очередь следует рассмотреть дативные квазиподлежа-
 щие и производные пассивные подлежащие. В тувинском языке суще-
 ствует небольшой класс одноместных стативных глаголов, управляющих
 дательным падежом, например, *соок бол* 'быть холодно', *аваршылыя*
бол 'быть больно'. Рассмотрим оба возможных случая располжения
 дативного квазиподлежащего, кореферентного номинативному подде-
 жашему, а именно в главной предикации и в зависимой (звездочкой
 здесь и далее маркируются формы, грамматически не допустимые в дан-
 ном контексте).
 (16) *Кара-оола, дуду-й* *бээрге* *ачаа* *ачаа*
 спать-ДПЧ ВСП:НКРФ ВСП:КРФ (*бер-геш), *ачаа*
 он:ДАТ он:ДАТ

- соок* *бол-ур*
 холодно быть-БУД
 'Если Кара-оол заснет, ему будет холодно'
 (17) *Кара-оол-га*, *соок* *боорга* (**бол-гаш*), *ола*,
 ДАТ холодно быть:НКРФ быть-КРФ он
ыгла-й *бээр*
 плакать-ДПЧ ВСП:БУД
 'Если Кара-оолу будет холодно, он заплачет'
 Очевидно, для тувинской системы ПР дативное квазиподлежащее к
 подлинному подлежащему не приравнивается. Тем более не может кон-
 троллировать употребление маркера КРФ датив тех глаголов, где есть
 подлежащее в номинативе. Как раз это подлежащее, даже если оно
 семантически неславный актант, и контролирует КРФ:
 (18) а. *Кара-оол-га*, *Кара-кыс*, *таарж-ырга* (**таарыш-каш*),
 ДАТ *ошкан*
 подходить-НКРФ подходить-КРФ
 она она:ВИН целовать:ПРОШ
 'Кара-оолу понравилась (*буке*, подошла) Кара-кыс, и он ее поце-
 ловал'
 б. *Кара-кыс*, *Кара-оолга*, *таарышкаш* (**тааржырга*),
 она она:ВИН
 'Кара-кыс понравился Кара-оолу, и поцеловала его.'
 Теперь рассмотрим случаи с пассивным подлежащим. В пассивной
 конструкции исходное прямое дополнение становится подлежащим в
 номинативе, а исходное подлежащее оформляется дативом. В глаголе
 появляется маркер пассива. Вот примеры с пассивной конструкцией в
 зависимой (19) и в главной (20) предикации:
 (19) *оола*, *ава-зын-га* *чуге-дур-ур* *ай-гаш*, \emptyset
 мальчик мать-3-СУФ:ДАТ мыть-ПАСС-ДПЧ ВСП:КРФ
ойна-л *чоруур*
 гулять-ДПЧ идти:БУД
 'Когда мальчик будет мыть матерью, он пойдет гулять'
 (20) *Кара-оола*, *акы-зын-га*, *ужураж-ы* *бер-геш*,
 брат-3-СУФ:ДАТ встретить-ДПЧ ВСП:КРФ
ола, *ачаа*, *этте-д-ир*
 он он:ДАТ быть-ПАСС-БУД
 'Когда Кара-оол встретит брата, он будет им побит'
 Очевидно, пассивное подлежащее контролирует ПР в такой же сте-
 пени, как и непронзводное подлежащее. Аргентивное дополнение, офор-
 мленное дативом, к подлежащему, естественно, не приравнивается:
 (21) *ава-зы*, *кээрге* (**кел-геш*), *Кара-оола*
 мать-3 приходить-НКРФ приходить-КРФ
ачаа, *этте-д-ир*
 она:ДАТ быть-ПАСС-БУД
 'Когда мать придет, Кара-оол будет ею побит' [8].
 Таким образом, и в случаях нетипичных подлежащих механизм ПР
 сохраняет строгую синтаксичность—ориентированность на подлежащие
 в номинативе.
2. 1. 3. Отклонения от строгой кореферентности. Выше были рас-
 смотрены примеры с дативным квазиподлежащим. Кроме небольшого
 числа одноместных предикаций, управляющих дативом, в тувинском
 языке есть, по-видимому, еще лишь один тип глагольной падежной рам-

ки, лишенной именительного падежа. Речь идет о нескольких предикатах с лексически стабильным подлежащим, имеющим валентность на посессора, например: *Х-ның хөңнү булаган-тошнить* (букв. 'настроение Х-а вырваться'), *Х-ның хөңнү баксыра-* 'стать плохо' (букв. 'настроение Х-а портится'). Оказалось, что именная группа (сокращенно: ИГ), заполняющая место посессора при таком предикате, факультативно приравнивается к подлежащему, т. е. в конструкциях с такими предикатами можно использовать как маркер КРФ, так и маркер НКРФ.

(22) *Кара-оол*, *чемиен-ап* } *аарга* } \varnothing , *хөңн-ү*
 есть-ДПЧ } ВСП:НКРФ } настроение-3
ал-гаш }
 ВСП:КРФ }
 бер-ген

булаган-ы *вырваться-ДПЧ* ВСП:ПРОШ

Кыгда Кара-оол поел, его затощило

(23) *оол-дүйү*, *хөңн-ү* } *баксырды-й* } \varnothing
 РОД } испортиться-ДПЧ } ВСП:НКРФ }
 { *баксырааш* }
 { испортиться:КРФ }
кан-ыл *кеч-ди* *караа*
 домой возвращаться-ДПЧ } ВСП:ПРОШ } *хан-РОД* *глаз-3*

Мальчику стало плохо, и он вернулся домой [9].

Оказывается, что такое варьирование морфологической маркировки не является индивидуальной особенностью данных предикатов. Дело в том, что посессор, входящий в группу подлежащего, приравнивается по способности контролировать механизм ПР к самому подлежащему. Поэтому возможность употребления конструкции с КРФ в примерах (22), (23) является лишь частным проявлением этого правила. Примеры:

(24) \varnothing , *каш* } *кеж-ерге* } *хаан-нын*, *караа*
 несколько раз } *делать ход-НКРФ* } *хан-РОД*
 { *кеш-кеш* } *делать ход-КРФ* } *глаз-3*
шокарнай-ыл *делает ход-КРФ* }
мелькать-ДПЧ *кел-ген* *ВСП:ПРОШ*

'Хан сделал несколько ходов, и у него в глазах замелькало' (букв.

'глаза хана замелькали') [10].

(25) *атд-ым* } *аары-й* } *бээр-ге* } *оон* *андай*
 лошадь-1ЕД } заболеть-ДПЧ } ВСП:НКРФ } отсюда } дальше
 { *аарааш* }
 заболеть:КРФ }
чору-п *айда-ва-ды-м*
 ехать-ДПЧ } мочь-ОТР:ПРОШ-1ЕД

'Моя лошадь заболела, и дальше ехать я не смог' [11].

Однако маркировка зависимой предикации показателем КРФ оказывается невозможной, если не только имеется корреляция между посессором при подлежащем зависимой предикации и подлежащим главной предикации, как в (25), но и само подлежащее зависимой предикации коррелятивно некоторому неподлежащему актанту главной предикации. Так, в следующем примере, кроме коррелятивности по по-

сессору *моя—я*, есть еще коррелятивность подлежащего зависимой предикации *мать* дополнению главной ее:

(26) *ава*, *-м* } *кел-ирге* } *(кел-ген)*, *мен оңу*,
 мать-1ЕД } приходить-НКРФ } приходить-КРФ } она:ВИН
чегер-ер } *мен*
 кормить-БУД } 1ЕД

'Когда мать придет, я ее покормлю' [11].

Различия между примерами (25) и (26) можно содержательно проинтерпретировать следующим образом. В предложении (25) правая часть одноместна, и говорящий, используя форму КРФ, устанавливает референциальную связь между предикациями, не рискуя создать неправильное «прочтение» предложения. А в (26) «выигрыш» от акцентирования коррелятивной связи через посессор, достигаемый при употреблении КРФ, сводится на нет «опасностью» возможного противоречия между маркером КРФ, с одной стороны, и коррелятивностью подлежащего с дополнением — с другой. Интересен следующий пример, в котором маркер КРФ сопутствует коррелятивности посессоров при подлежащих двух предикаций (здесь опять имеется вариативность, может быть употреблена и форма *сык-арга* с НКРФ):

(27) *терге-ниң* } *өзөз* } *сын-гаш*, *дугуй-лар-ы* } *ий*
 телега-РОД } ось:3 } сломаться-КРФ } колесо-МН-3 } два
тала-же } *оранчок* } *чашта-й* } *бер-гилээн*
 сторона-НАПР } далеко } отскакивать-ДПЧ } ВСП:МНР:ПРОШ

'Ось телеги сломалась, и ее колеса отскочили далеко к сторонам' [12]. В связи с тем, что на посессор распространяется такое свойство подлежащего, как контроль над КРФ, стоит отметить, что отождествление некоторых свойств этих синтаксических существей, по-видимому, вообще характерно для тюркских языков (это отменено для процесса-реализации в турецком языке — см. Андерхилл, 1987).

Факты, связанные с употреблением маркера ПР в конструкциях с дательными глаголами и с пассивом, говорят в пользу того, что тувинский механизм ПР ориентирован исключительно на синтаксическое подлежащее — ИГ в именительном падеже. Приведенные же примеры конструкции с коррелятивностью по посессору свидетельствуют о том, что маркер КРФ возможен не только в случаях строгой коррелятивности между подлежащими, но и в случаях некоторой более слабой референциальной связи между ними. Эти наблюдения наводят на мысль о том, что употребление маркера КРФ регулируется на самом деле не одним, а двумя факторами: (а) наличием двух ИГ в именительном падеже; (б) наличием коррелятивности между этими ИГ. Условие (а) является более важным, необходимым. Если нет двух ИГ в именительном падеже, как в примерах (16), (17), то употребление КРФ невозможно. Если же две такие ИГ есть, то маркер КРФ может быть употреблен и при некотором отклонении от условия (б); именно это происходит в примерах (22—25). Отклонение от строгой коррелятивности не может быть слишком сильным и всегда связано либо с неполной коррелятивностью, либо с трудностью установления коррелятивности/некоррелятивности.

Расширенные области употребления маркера КРФ на случаи коррелятивности по посессору не являются в тувинском языке единственными отступлением от строгой коррелятивности. Исследователями различных языков, располагающих системами ПР, отмечалось существование «серых зон», в которых ориентация механизма ПР на коррелятивность мо-

жет размыываться (см.: Найпал & Миппо, 1983: xi). Типологически наиболее продуктивные источники такого размыывания — это:

- 1) полное совпадение референтного объема подлежащих, например, одно подлежащее — я, другое — мы (см.: Гипкин, 1983: 46—47);
- 2) референтно-референтная нестандартность подлежащего (стандартным является конкретно-референтное подлежащее);
- 3) семантическая нестандартность подлежащего (стандартным является внутренне активный референт, агенс).

Специфика, индивидуальность системы ПР в конкретном языке проявляется как раз в том, по каким из этих направлений и в какой степени размыывается синтаксический характер механизма ПР. Рассмотрим поочередно все три источника такого размыывания в тувинском языке. Сразу нужно подчеркнуть, что во всех случаях сферу своего действия расширяет только маркер КРФ, «вторгаясь» в сферу НКРФ и тем самым создавая вариативность; обратный процесс не отмечен. По-видимому, это объясняется прагматической направленностью механизма ПР на связывание предикаций, которое в большей степени подчеркивается маркером КРФ.

Самые отчетливые примеры неполного совпадения референтного объема двух ИГ — местоимения я и мы. При такой квазикорреферентности между двумя подлежащими употребление маркера КРФ недопустимо. Что касается маркера НКРФ, информанты с разной степенью уверенности признают правильность таких структур. При этом несомненно, в какой из предикаций находится местоимение подлежащее с большим объемом, а в какой — с меньшим.

(28) мен *бажың-га* *кел-геш* *бис дугштеки чем-чи*
я дом-ДАТ *приходить-КРФ* мы полуденный еда-ВИН
приходить-КРФ

чит *ал-ды-выс* *МН*
есть: ДПЧ *ВСП-ПРОШ-1ЕД*

‘Я пришел домой, и мы пообедали’ [13].

В этой ситуации предпочтительно употребление конструкции, вообще не маркирующей ПР. Допустимость маркера НКРФ несомненна в тех случаях, когда оба подлежащих с неполным совпадением объема относятся к 3-му лицу.

(29) *ырасжы-лар ылаар-ы-н соксаарга* *(“соксааш”)*
певец-МН *пенне-3-ВИН* *прекратить-НКРФ* *прекратить:КРФ*
олаар-кың чамдык-тар-ы чору-й
они-РОД- некоторый-МН-3 *идти-ДПЧ* *ВСП-ПРОШ*

‘Когда певцы закончили пение, некоторые из них ушли’

Собственно, к этому классу случаев относятся и примеры с неотторжимой принадлежностью (22—24), (27). Их отличие в том, что между референтами имеется не отношение включения в множество, а отношение части и целого. Для тувинского механизма ПР последнее отношение ближе к тождеству (т. е. к кореферентности), чем первое, и поэтому в примерах с кореферентностью по поессору возможен маркер КРФ.

Референтная и ланно эталонным подлежащим является конкретная, определенная ИГ (об этих и других референтных характеристиках см.: Падучева, 1985). ИГ с другими референтными статусами являются нестандартными, референтно-неполноценными подлежащими. ИГ с родовым референтным статусом для тувинско-

го механизма ПР приравнивается к стандартным подлежащим, т. е. при отсутствии кореферентности используется маркер НКРФ.

(30) *кыжи-лар эки ажылдаарга* *(“ажылдааш”)*
человек-МН хорошо работать-НКРФ *работать:КРФ*
дарга-лар амыра-п тур-ар-лар
начальник-МН радоваться-ДПЧ *ВСП-БУД-МН*

‘Когда люди хорошо работают, начальники радуются’. Интересно, однако, что маркер КРФ появляется (причем обязательно), если в одной из предикаций имеется переменная с квантором буру ‘каждый’, пробегающая по всему множеству референтов, заданных в другой предикации:

(31) *шуту аалчы-лар чед-ил кел-геш* *(“кээрзе”)*
все гость-МН *доходить-ДПЧ* *приходить-КРФ* *приходить-НКРФ*
кыжи бору-зу белек *эккел-ген*

человек каждый-3 подарок принести-ПРОШ

‘Все гости пришли, и каждый из них принес подарок’. В предложениях, где одно из подлежащих — неопределенная ИГ, некорреферентна другому подлежащему, употребление маркера КРФ допустимо. Сравнение следующих двух предложений показывает, как влияет на возможность употребления маркера КРФ определенность/неопределенность подлежащего правой предикации (применительно к лексическому значению ‘деньги’ использован квантификатор ‘три’ дает значение определенности):

(32) а. *чага кээрзе* *ашка кел-ген*
письмо *приходить-НКРФ* *деньги* *приходить-ПРОШ*
кел-геш
б. *чага кээрзе* *(“келгеш”)* *уш ашка келген*
три

‘Письмо пришло, и деньги пришли (напр., вложенные в письмо)’

б. *чага кээрзе* *(“келгеш”)* *уш ашка келген*

‘Письмо пришло, и пришли три рубля’

В случаях строгой кореферентности подлежащих, выраженных родовыми, универсальными и неопределенными ИГ, однозначно избирается маркер КРФ. То же самое относится и к неопределенно-личным синтаксическим нулям:

(33) *Ø* *ыл ажылда-п каап-каш* *(“каап-тарга”)* *Ø* *ыл*
работать-ДПЧ *ВСП-КРФ* *ВСП-СУФ-НКРФ*
ыраар
песня-МН *петь-БУД*

‘Песню поют тогда, когда кончают работу’

Однако при отсутствии кореферентности между подлежащими неопределенно-личной ноль ведет себя не так, как другие рассмотренные типы нестандартных подлежащих. Когда одно из подлежащих — *Ø*, а другое — некорреферентная полная ИГ, допустимо употребление маркера КРФ:

(34) *Ø* *ыл хлеб-ти* *хоорай-да* *бээр ону*
ВИН *город-МЕСТ* *печь-НКРФ* *стол*
машина *сверт-ул* *тур-ар*
везти-ДПЧ *ВСП-БУД*
КРФ

‘Машина сверт-ул тур-ар

‘Хлеб пекут в городе, и машина привозит его сюда’

Двух некоррелентных неопределенно-личных нулей в тувинском предложении быть не может, так что проверить, какой маркер будет употреблен в этой ситуации, нельзя.

Осталось рассмотреть последний тип референциально нестандартного подлежащего — безличный синтаксический ноль. Его поведение регулярно: когда одна из предикаций безличная, всегда употребляется маркер НКРФ, независимо от типа подлежащего второй предикации.

(35) *согга-дан* *эбел.* *хады-л* *эгелээрэ* *начинать:НКРФ* *начинать:КРФ*
 окно-ИСХ *дуть-ДПЧ* *бер-ди-м* *ВСП-ПРОШ-1ЕД*
 мен *доң-и*
 я мерзнуть-ДПЧ

'Из окна стало дуть, и я замерз'

(36) *карамыла-й* *бээрэ* (**бер-геш*). *соо-й* *бер-ген*
 темнеть-ДПЧ ВСП:НКРФ ВСП:КРФ холодать-ДПЧ ВСП:ПРОШ

'Стемнело, и стало холодно'

По-видимому, с точки зрения тувинского механизма PR безличный ноль вообще не является подлежащим, т. е. не выполняется первое условие употребления КРФ — наличие двух подлежащих. В этом отношении безличные предикации сходны с дативными предикациями в примерах (16), (17).

Семантические признаки эталонного подлежащего распадаются на два взаимосвязанных, но неждественных типа: лексико-семантические и ролевые. Стандартные с ролевой точки зрения подлежащие мы рассматривать не будем, так как они вообще не характерны для тувинского языка. Так, нельзя построить буквалых тувинских аналогов тех русских предикаций, где в позиции подлежащего выступают *лохотв* или инструмент (*Бутылка вмяцает много воды*, *Камель ишиб ребенка*). Лексико-семантическая нестандартность возрастает по мере уменьшения внутренней активности и предметности референта. Подлежащие, выраженные неодушевленными, но предметными ИГ, не порождают никаких изменений в использовании маркеров PR. Минимальная семантическая нестандартность, к которой чувствителен механизм PR, — неодушевленность плюс непредметность. Типичные примеры — природные факторы, стихии (ветер, дождь, время года, болезнь, голод). Когда одно из подлежащих относится к этому типу, наряду с маркером НКРФ может быть использован и КРФ, но только если и второе подлежащее — неодушевленное:

(37) а. *час* *дуж-ерге* *чечек-тер* *част-ыл*
 весна *спускаться-НКРФ* *цветок-МН* *распускаться-ДПЧ*
кел-ген *спускаться-КРФ*

ВСП:ПРОШ

'Пришла весна, и цветы распустились'

б. *час* *дужерге* (**душкеш*), *мен* *хоорай-же* *чорул-ту-м*
 я город-НАПР *ехать-ПРОШ-1ЕД*

'Пришла весна, и я поехал в город' [14].
 Сильнее всего проявляется тенденция к употреблению показателя КРФ, когда одно из подлежащих — ИГ со значением временного промежутка. В этом случае второе подлежащее может быть и одушевленным:

(38) *уш чыл* *хоорай-же* *чорул-ту-м*
 три год *проходить-КРФ* *ехать-ПРОШ-1ЕД*
эрт-ерге *НКРФ*

'Когда прошло три года, я поехал в город'

Что касается отпредикатных ИГ в качестве подлежащих (типа *работа, борьба*), то они, судя по нашим примерам, не способствуют употреблению маркера КРФ.

Подытожим общие правила употребления маркеров PR. Если в би-предикативной конструкции нет двух ИГ в именительном падеже, то выбор маркера однозначен — это НКРФ. Если же две подлежащие ИГ — есть и их референты явно тождественны либо явно различны, то выбирается соответственно маркер КРФ либо НКРФ. Когда подлежащие (или хотя бы одно из них) являются достаточно нестандартными (неопределенно-личной ноль, непредметное значение и т. д.), механизм PR «теряет ориентацию» и способен установить тождество/различие плохо оформленных сущностей. Формально эти сущности различны, поэтому возможен маркер НКРФ, но различие их недостаточно отчетливо, поэтому возможен маркер КРФ. Подчеркнем, что всюду мы имеем дело с эквивалентной маркера КРФ в области неполной коррелентности.

2. 1. 4. **Отрицание.** Предикация, в глаголе которой содержится маркер PR, естественно, может быть не только положительной, но и отрицательной. Отрицание выражается с показателями деепричастий и маркеров синкретически (по крайней мере, в интересующих нас случаях). Отрицательный показатель КРФ — *Байа* (универсальный показатель отрицательного деепричастия). Отрицательный показатель НКРФ — *БАС...* [15]. В случае маркировки НКРФ в отрицательной аналитической глагольной форме, согласно нашим примерам, деепричастие, оформляющее неконечный (смысловой) глагол, принимает отрицательную форму на *-Байа*, а конечный (вспомогательный) глагол остается в положительной форме НКРФ на *-Ур...Га*. Никаких отличий в синтаксическом поведении отрицательных показателей КРФ и НКРФ от положительных не обнаружено. Примеры:

(39) *уруг* *хойлеч-и-и* *чуг-бай,* *чору-й* *бар-ган*
 девочка рубашка-3-ВИН мыть-КРФ:ОТР идти-ДПЧ ВСП:ПРОШ

'Девочка ушла, не постирав рубашку'

(40) *ава-зы* *чемгер-бейн* *баарга* *уруу* *ыгла-л*
 мать-3 *кормить-ДПЧ:ОТР ВСП:НКРФ* *ребенок:3* *плакать-ДПЧ*
кормить-НКРФ:ОТР

тур-ган
 ВСП:ПРОШ

'Мать не покормила ребенка, и он заплакал'

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Данная работа основана на материале, собранном авторами в ходе лингвистической экспедиции МГУ в Туву (Тоджинский район, поселок ИИ) в августе 1986 г. Кроме особо оговоренных случаев, тувинские примеры, приводимые в статье, получены от информантов в поселке ИИ. Проверка наших материалов с носителями литературного диалекта тувинского языка показала, что в интересующих нас аспектах тоджинский диалект (о нем см. работу Чадамба, 1974) от литературного отклоняется незначительно. Случай расхождений в статье оговариваются. В статье occasionally используются материал тувинских текстов, а также примеры из работ других авторов — такие случаи специально отмечаются.

Мы пользуемся случаем поблагодарить за помощь наших информантов — учителей из поселка Ий, а также аспиранту Института языкознания АН СССР Ульяну П. Олей-сол и аспирантку Института этнографии АН СССР Марию В. Монгуш, с которыми мы проверили и дополнили наш материал. Мы благодарим членов тувинской экспедиции, участвовавших в обследовании некоторых положений данной статьи. Мы выражаем также признательность А. Е. Кибрику, А. И. Коваль, И. Ш. Козинскому, М. С. Поли-ской, Э. Р. Тенишеву, Я. Г. Тестельду, В. Н. Ярцевой, которые ознакомились с первоначальным вариантом работы и сделали ценные замечания. Разумеется, ответственность за достоверность фактов и правдивость интерпретаций возлагается только на нас.

2 В поморфемных переводах здесь и далее заглавными буквами обозначаются функции грамматических показателей и единиц. Используются следующие обозначения: КРФ — маркер корreferентности подлежащих; НКРФ — маркер некорreferентности подлежащих; ПРОШ — мадара/финитная форма прошедшего времени; БУДУ — мадара/финитная форма настоящего-будущего времени; ИМП — желательное-повелительное наклонение; ПРЕКР — прекратительный вид; МНКР — многократный вид; ПАСС — пассив; ОТР — отрицание; ДПЧ — аффикс депринатива; ВСЛ — основа вспомогательного глагола (любого); ВРМ — показатель синтетического сирконстанта со значением одновремени-ности; ЦЕЛБ — показатель целого синтетического сирконстанта; 1, 2, 3 — грамматическое лицо как согласовательная категория в имени в форме назета или в глаголе; ЕД, МН — единственное и множественное число; п а д ж и: ВИН — винительный; ДАТ — дательный; РОД — родательный; МЕСТ — местный; НАПР — направительный; ИСХ — исходный; СУФ — суффикс, не имеющий значения (морфологическая проклад-ка). Двоеточие соединяет переводы показателей, на сегментном уровне не разделенных. В тувинских примерах допускается следующая условность — опускаются обозначения чуждых морфем, как-то: нулевых падежных аффиксов в именах и согласовательных аф-фиксов 3-го лица в глаголах; соответствующие элементы опускаются и в поморфемном переводе.

3 Последняя работа нам представляется неудачной: в нахско-дагестанских языках, на материале которых она основана, ПР нет (и не может быть), так как нет син-таксической базы этого механизма — синтаксического подлежащего (см.: Кибрик, 1979).

4 При записи общего вида морфем мы используем морфологическую транскрип-цию, в которой заглавные буквы изображают морфемы, на поверхностном уровне реализующиеся по-разному — в зависимости от контекста.

5 Традиционно тюркологи, занимаясь из русской грамматики термины «деприн-частие», не переносят на тюркский материал требования корreferентности подлежа-щих депринативной и глагольной предикации; см.: Черемисина, 1977: 7 и сл.

6 О различных согласовательных аффиксов в мадарах и обычных именах см. Черемисина, 1981: 34.

7 Интересно, что в одном из семантических разрядов полипредикативных конструк-ций, выделенных в диссертации Л. А. Шамниной, формы на -Лаш и -Ур...ЛА оказались рядом, т. е. их синонимия была окказионально установлена (Шамнина, 1985: 151—152). Вообще, в тюркологической литературе — помимо работы Ефремов, 1979 — нам известен один пример эксплицитного соотношения депринативной и мадара-падежной форм, семантически различающихся только выражением/невыражением лица субъекта — Джитрнев, 1948: 257.

8 Данный пример получен от носителя литературного диалекта, а для толкинцев также предложения непринимаемы. В толкинских бирпредикативных конструкциях рас-сматриваемого типа одна из предикаций может оформляться как пассивная, только если это мотивировано необходимостью сильно топикализировать пассив — сделать его пас-сивным подлежащим; а такая необходимость может возникнуть, только если во второй предикации имеется корreferентное подлежащее.

9 Информанты расходятся в отношении стилстической оценки КРФ-вариантов таких предложений. Иногда та или иная форма признается предпочтительной. Однако бесспорный характер таких предпочтений заставляет предположить, что они в каж-дом отдельном случае не мотивированы, а в целом отражают лингвистическую инту-ицию информантов, чувствующих нестандартный характер этих конструкций.

10 Этот пример взят из письменного текста тувинской сказки, вариант с НКРФ проверен с информантом.

11 Эти примеры получены от носителя литературного диалекта.

12 Пример из работы Бабушкин, 1959: 101.

13 Этот пример, а также все примеры до конца § 2. 1. 3 получены от информанта — носителя литературного диалекта.

14 Как заметна (устно) М. С. Полинская, допустимость маркера КРФ в примере 137а (и недопустимость в 376) может быть объяснена и иначе — наличием ассоци-ативной связи между понятиями 'весна' и 'цветы'; такие связи близки к референциаль-ным отношениям типа часть—целое, рассмотренным выше. Вообще, возможна несколь-

ко иная трактовка употреблений КРФ в случаях неполной корreferентности — основан-ная не на нестатусности подлежащих, а на обнаружении тех или иных отношений подобия и связи между двумя подлежащими; разновидностью таких отношений яв-ляется простая корreferентность.

15 БАС — это отрицательный вариант показателя мадара -Ур.

ЛИТЕРАТУРА*

- Андершилл Р. Участвия в турецком языке // Новое в зарубежной лингвистике. 1987. Вып. 19. С. 324—339.
- Бабушкин Г. Ф. О структуре придаточных предложений в тувинском языке // УЗ ТНИИЯЛИ. 1959. Вып. 7. С. 93—104.
- Бабушкин Г. Ф. О структуре придаточных предложений в тувинском языке // УЗ ТНИИЯЛИ. 1960. Вып. 8. С. 127—138.
- Баскаков А. Н. Предложение в современном турецком языке. М., 1984.
- Баскаков А. Н. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских язы-ков. М., 1975.
- Гаджиева Н. Э. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских язы-ков. М., 1973.
- Горелова Л. М. Модели полипредикативных конструкций в эвенкийском языке // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980. С. 83—96.
- Грушина Э. А. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке // Исследования по сравнительной грам-матике тюркских языков. М., 1961. Т. 3. Синтаксис. С. 135—163.
- Делгер-оол А. К. Основные типы глагольных оборотов в тувинском предложении // УЗ ТНИИЯЛИ. 1960. Вып. 8. С. 118—126.
- Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.
- Ефремов Н. Н. О парности моносубъектных и разносубъектных якутских tempo-ральных полипредикативных конструкций // Информативные формы глагола. Новосибирск, 1979. С. 59—74.
- Ефремов Н. Н. Сложноподчиненные предложения якутского языка, выражающие простую одновременность // Синтаксис алтайских и европейских языков. Новосибирск, 1981. С. 51—59.
- Исханов Ф.-Г. Паламбах А. А. Грамматика тувинского языка. М., 1961.
- Келанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.
- Кибрик А. Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1979. № 4. С. 309—318.
- Коновалов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.
- Коновалов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.
- Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
- Подеуевский А. П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка // Избр. тр. Ашхабад, 1975.
- Сат Ш. Ч. Синтаксические функции причастий в тувинском языке. Кызыл, 1960.
- Сат Ш. Ч. Придаточные предикативные единицы в тувинском языке // Структурные и функциональные типы сложных предложений (на материале языков Сибири). Ново-сибирск, 1982. С. 48—60.
- Скрябин Е. К. О системе депринативной в современном бурятском языке // Народы и языки Сибири. Новосибирск, 1980. С. 94—110.
- Убратова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. Новосибирск, 1976. Ч. 2. Сложное предложение.
- Чадьямба З. Б. Толжинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974.
- Черемисина М. И. Депринатива как класс форм глагола в языках разных систем // Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977. С. 3—28.
- Черемисина М. И. Некоторые вопросы теории сложного предложения в языках разных систем. Новосибирск, 1979.

* Сокращение: УЗ ТНИИЯЛИ — Учен. зап. ТувНИИ языка, литература и истории. Кызыл.

- Черемиска М И Моноsubjектная конструкция Понятие и типология // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база (на материале сибирских и европейских языков) Новосибирск, 1980 С 6—33
- Черемиска М И Предикативное склонение как база зависимой предикации в алтайских языках // Палежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири Новосибирск, 1981 С 19—38
- Черемиска М И и др Предикативное склонение причастий в алтайских языках Новосибирск, 1984a
- Черемиска М И, Шамкина Л А, Борозкова Т Н Тувинский язык 1984b // Черемисина и др. 1984a Гл 6, § 2, п 2
- Шамкина Л А Конструкция общей временной соотнесенности в тувинском языке // Структурные и функциональные типы сложных предложений (на материале языков Сибири) Новосибирск, 1982 С 61—79
- Шамкина Л А О моделях тувинских сложных предложений с формой на -гыже в зависимой части // Тюркские языки Сибири Новосибирск, 1983 С 36—45
- Шамкина Л А Структурные и функциональные типы полипредикативных конструкций со значением времени в тувинском языке Дис. канд. филол. наук Новосибирск, 1985
- Юлдашев А А Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках М, 1977
- Austin P Switch reference in Australia // Language 1981 Vol 57 P 309—334
- Cote P Switch reference in two Quechuan languages // Haiman & Munro 1983 P 1—16
- Conrie B Switch reference in Hucbol A typological study // Haiman & Munro 1983 P 17—38
- Foley W A & Van Valin R D Jr Functional syntax and universal grammar Cambridge Cambridge University Press, 1984
- Franklin K J Some features of interclausal reference in Kewa // Haiman & Munro 1983 P 39—50
- Haiman J On some origins of switch reference marking // Haiman & Munro 1983 P 105—128
- Haiman J & Munro P (Eds) Switch reference and universal grammar Amsterdam John Benjamins, 1983
- Haiman J & Thompson S A «Subordination» in universal grammar/ Proc Berkeley Linguistics Soc 1984 Vol 10 P 510—523
- Jacobson W Jr Switch reference in Hokan Coahuiltecan // Studies in Southwestern ethnolinguistics Meaning and history in the languages of the American Southwest/Ed by Hymes D, Bittle W The Hague Mouton 1967 P 238—263
- Jacobson W Jr Typological and genetic notes on switch reference systems in North American Indian languages // Haiman & Munro 1983 P 151—184
- Lewis G Turkish grammar Oxford Oxford University Press, 1967
- Longacre R E Switch reference systems in two distinct linguistic areas Wopoleso (Papua New Guinea) and Guanano (Northern South America) // Haiman & Munro 1983 P 185—208
- Lynch J Switch reference in Lenakel // Haiman & Munro 1983 P 209—222
- Munro P (Ed) Studies of switch reference UCLA papers in syntax 1980 Vol 8
- Nichols J Syntax and pragmatics in Manchu-Tungus languages // The elements on linguistic units and levels/Ed by Clyne P-R a Chicago, 1979 P 420—428
- Nichols J Switch reference in Northeast Caucasus // Haiman & Munro 1983 P 245—266
- Tekin T A grammar of Orkhon Turkic Indiana University Publ Bloomington, 1968 P 69
- Underhill R Turkish grammar Cambridge, MA MIT Press, 1976
- Woodbury A C Switch reference, syntactic organization and rhetorical structure in Central Yupik Eskimo // Haiman & Munro 1983 P 291—316